

Я собираюсь быть рядом до конца твоих дней,
даже если ты меня ненавидишь

ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ НЕНАВИДИШЬ

АГНИЯ АРРО

АГНИЯ АРРО

ДАЖЕ
ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ
НЕ НАВИДИШЬ

Все события выдуманы.
Все совпадения случайны.

*Ради нее он готов
разрушить мир на атомы...*

ГЛАВА 1

Амалия

— НИЧЕГО НЕ случилось. Ничего не случилось. Ничего не случилось, — раз за разом повторяю себе под нос, сидя на заднем сиденье прямо за нашим водителем и рассматривая собственные ногти. Руки дрожат, а в горле комом застыли слезы. — Ничего не случилось. Первый раз, что ли? Они все придурки.

— Ами, тебе плохо? — спокойно спрашивает дядя Леня.

На самом деле его зовут Леонид Игоревич, и мама терпеть не может, когда я позволяю себе называть этого мужчину дядей, напоминая, что дядя у меня всего один — это ее старший брат, а Леонид Игоревич просто обслуживающий персонал, и не стоит причислять его к родственникам. Но когда мы одни, мужчина тепло мне улыбается, а я позволяю себе вольности в общении с ним.

— День был сложный. Все хорошо, не беспокойтесь, — отвечаю ему, но голос хрипнет, а язык норовит прилипнуть к небу.

Понятливый дядя Леня протягивает мне бутылочку прохладной воды. С благодарностью приняв ее, я откручиваю крышку и делаю несколько глотков. Судорожный вдох... Может, вовсе и не узнают

дома про проваленную контрольную и порезанный рюкзак, привезенный мамой из Италии всего пару месяцев назад? Новая коллекция какого-то там дизайнера, штучная вещь. Была...

Снова глотаю воду, чтобы не расплакаться. Тогда мать точно заметит и мне влетит. Я все исправлю. У меня тренировка с шести до девяти сегодня, а потом я сяду все выучу и обязательно пересдам. Только как это объяснить маме? Она же не станет слушать.

Одна слезинка все же скатывается по щеке. Смахиваю и сжимаюсь в комок, увидев ворота нашего дома, расположенного в элитном поселке Красные Зори. Это как Рублевка, только в нашем тихом городке в паре часов езды от столицы. Идеальное место для элиты, уставшей от шума и пыли. У нас тут красиво. Тишина, хвойная лесопосадка, парк и даже свой пруд с утками.

Из рюкзака опять выпали ручки и уже торчит пара тетрадей вместе с прозрачным пеналом. Позорно сбегая из здания колледжа через пожарный выход, я не успела все аккуратно сложить. Да и что толку, если в рюкзаке такая дырища! Заталкиваю все обратно и прижимаю рюкзак к себе, будто он самое ценное, что у меня есть. Хотя, если вспомнить, сколько он стоит...

— Ничего не случилось, — всхлипываю.

А ворота тем временем плавно двигаются в сторону, открывая вид на выложенную диким камнем парковочную площадку. Мне кажется, что это лишнее, но мама считает иначе, а отцу все равно, он

много работает и приличную часть времени проводит не с нами в поселке, а в столичной квартире. Сегодня он вроде должен приехать, но меня это не спасет.

Жадно допиваю воду, бросаю бутылку на сиденье и жду, когда дядя Леня откроет мне дверь. Я могла бы сама, но все еще нужно держать рюкзак. Сдув рыжую прядь, давно выбившуюся из косы, шагаю на каменную площадку. Благодарно кивнув водителю, быстро пересекаю эту часть двора и захожу в дом через дверь на кухне. Никого. Вот и отлично. Пробегаю через столовую, уютный коридорчик, ведущий в гостиную, сворачиваю к винтовой лестнице и мчусь на второй этаж в наше с сестрой крыло.

Аделина болеет уже третий день. В ее комнате играет музыка. Я захожу к себе и выдыхаю, прислонившись спиной к двери и уронив проклятый рюкзак под ноги. Из него все тут же выпадает и рассыпается по полу. Кажется, дырка стала еще больше. Присаживаюсь на корточки, поднимаю его и смотрю, можно ли что-то сделать. Бесполезно. Теперь дорогую лимитированную вещь остается только выбросить. Сердце в груди никак не уймется. Кололится быстрее, чем перед соревнованиями.

Поднимаюсь, но только отхожу от двери, как она распахивается, и в мою комнату без стука вламывается младшая сестра.

— О-фи-геть! — пялится на порванный рюкзак. Коварно улыбается и убегает.

— Адели, нет! Ада, пожалуйста, — бегу за ней.

— Ма-а-ам! — орет этот вредный подросток. — Мама, ну ты где? Ами итальянский рюкзак порвала. Насовсем. Мам!

Мать в юбке-карандаш до колена, блузке и удобных домашних лодочках на небольшом каблучке выходит из кабинета и смотрит на нас, как всегда, чуть свысока.

— Что ты кричишь как рыночная торговка? — строго спрашивает у Аделины. — Тебе врач сказал беречь горло.

— Она рюкзак порвала. — Сестра показывает на меня пальцем.

— Это случайность. — Отпираться и скрывать нет смысла. Мама все равно проверит.

Нахмурив брови и мазнув по мне наигранно равнодушным взглядом, она направляется напрямиком в комнату. Только я знаю, что скрывается за этим. Передернув плечами, иду за ней.

— Какой кошмар! — Двумя пальцами она поднимает с пола тряпочку, еще недавно бывшую дорогой, стильной вещью. — То есть это вот, — трясет рюкзаком в воздухе, — твоя благодарность за подарок, который я выбирала специально для тебя? — хлестко швыряет его в меня. — Для своей чемпионки! Для своей гордости! Так ты относишься ко мне?

— Мама, я не специально, — оправдываюсь. — Правда.

Ненавижу это. Ненавижу, когда она кричит на меня, когда отчитывает, не пытаюсь разобраться в проблеме, без вопросов и выяснений выставляя меня неблагодарной и виноватой.

— Два балла за контрольную по линейной алгебре ты тоже получила не специально? — Ее голос становится ледяным. Еще немного — и большие окна моей комнаты начнет затягивать зимним узором. И это при том, что на улице весна.

— Я не успела подготовиться, — смотрю ей в глаза, стараясь говорить ровно. — У меня тренировки. Скоро Кубок, мам, — напоминаю ей. — Я живу на льду!

«Только там и живу», — но эта часть мыслей так и остается невысказанной.

— Ты должна успевать все! Глупые отговорки оставь для своих преподавателей. Мне от тебя нужен результат. Мы с отцом с рождения вкладываем в тебя все возможные ресурсы не для того, чтобы ты нас позорила такими низкими результатами. — Делает шаг ко мне, касается подбородка, поднимая мое лицо выше. Обманчиво мягко трет щеку пальцем. — Девочка моя, ты лучшая. Ты должна быть лучшей. Не разочаровывай меня...

— Мама, там пожар! — снова кричит Аделина. — Пожар у Калинина! Мам!

Боже, за ее особенно противное «мам!» мне иногда хочется ей хорошенько двинуть.

— Какой ужас! — Мать всплескивает руками и стремительно выходит из моей комнаты.

Дом бизнесмена Калинина, друга нашей семьи, — человека, который с детства был рядом со мной, наверное, даже чаще, чем родной отец, — прямо напротив нашего. Там очень много дерева. Его жена фанатка натуральных материалов.

Накинув тонкий вязаный кардиган, выхожу на улицу, чтобы глянуть, что же там на самом деле происходит. Языки пламени уже охватили стены, крышу и перекинулись на отдельно стоящую сауну. Замечаю движение. Через забор друг за другом перемахивают какие-то парни и бегут врассыпную.

К воротам подъезжают пожарные, разматывают шланги и начинают тушение, перекрикиваясь друг с другом. Жар огня, пожирающего дом, опалает кожу, но я все равно ежусь и кутаюсь в кардиган. Очень нервничаю, поэтому немного знобит. К нам подходят соседи из дома рядом. Разговаривают с мамой. Охают, подсчитывают убытки. Подъезжает полицейская машина. Вторая гонит выпрыгнувших с территории пожара парней.

Я застываю, увидев, как открывается дверь и прямо к полицейским и пожарным со двора Калинина выходит еще один парень. Очень коротко стриженный. Рукава свободной рубашки цвета хаки, накинутой поверх белой футболки, закатаны до локтя. Мощные предплечья забиты татуировками. Рисунки также видны на открытой шее и части груди в вырезе футболки. На нем цепочка с медальоном. Он дерзко улыбается и проходится взглядом по собравшимся зрителям. Всего на секунду задерживается на мне, а затем борзо смотрит прямо на полицейских.

— Не двигаться! Не двигаться, я сказал! — орет один из них, выхватив пистолет. — Руки поднял!

— Че ж ты так надрываешься? Я не уйду никуда, — заявляет парень.

— Руки поднял, я тебе говорю, — требует полицейский.

— Окей, если тебе так спокойнее, — медленно поднимает он свои татуированные руки.

Мы снова сталкиваемся взглядом всего на секунду. В его наглых глазах расплавленная сталь и застывшая угроза, но он продолжает улыбаться, чем сильно нервирует полицейских. Ему заламывают руки. Тот, что кричал громче всех, подходит и неожиданно ударяет парня кулаком в лицо, разбивая ему губу. Я покрываюсь мурашками и задерживаю дыхание, увидев кровь. Он ведь крупный, накачанный, мог бы им ответить, но почему-то позволяет тащить себя к машине.

— Животное, — с пренебрежением выплевывает моя мама. Соседи ее поддерживают.

Полицейские не церемонясь заталкивают парня в машину. Он упирается лбом в стекло и пристально смотрит на меня. Дергает правым уголком губ в еще одной борзой улыбке и нагло подмигивает.

— Не смотри на него. Таким место в зверинце, — шипит мать мне в ухо. Разворачивает за плечи и подталкивает в сторону дома.

ГЛАВА 2

Данте

«ОГОНЕК» — ПЕРВОЕ, ЧТО приходит в голову при виде яркой девочки с длинными рыжими волосами. Символичненько, особенно с учетом случившегося пожара. Женщина с высокомерно поджатыми губами и медью в собранных в ракушку волосах грубо толкает ее в спину, подгоняя в сторону особняка неприличных размеров. Огонек все же успевает оглянуться. Украдкой улыбается, наверное даже не заметив, как это произошло, а я ловлю мощнейший приступ эйфории прямо в груди, будто меня туда ударило солнце. Веду плечами от крайне необычных ощущений и прилипаю лбом к стеклу.

Пока менты, переговариваясь, рассаживаются в служебной машине, я опять смотрю на девушку или девочку — никак не определяюсь. Забавная она, маленькая, я бы даже сказал, компактная. Глаза красивые. В моей голове по стандарту у рыжей девчонки должны быть зеленые глаза. Классика же! А у этой светлые. То ли серые, то ли в голубизну уходят. Мне из тачки не разглядеть.

Секунда, две, три — и Огонек скрывается за высоким забором, а меня везут в отделение, довольные

тем, что удалось мне врезать. Я только усмехаюсь, закатывая глаза и думая, какие же они идиоты. Выходят из машины. Под конвоем ведут в трехэтажное здание. В коридоре воняет краской и сильно не хватает света. Мрак, темнота...

Придурки в погонах подталкивают меня вперед. Спотыкаюсь об открытую банку с краской. Я ее видел, но создать им тут лишний геморрой — отдельное удовольствие. По бетонному полу растекается жирная зеленая лужа.

— Слепошарый! — вновь пихает меня в спину самый бесстрашный из них.

Резко разворачиваюсь и бью его лбом чуть выше переносицы. Мент глухо стонет и теряется. На меня набрасываются еще двое в попытке скрутить, пока их умный коллега приходит в себя, стирая капающую из носа кровь.

— Да не лапайте вы меня, я не сопротивляюсь! — огрызаюсь на них.

— Ты за это ответишь, выродок! — зло шипит травмированный.

— Что у вас тут... Оу, нехило. — К нам выходит начальник этих бедолаг. — Голиков, умойся сходи, смотреть страшно. Этого сразу ко мне, — кивает на меня.

Входим в его кабинет. Взмахом руки мне указывают на стул.

— Наручники с этого чудовища снимите, — приказывает подполковник.

— Вы уверены, товарищ подполковник? Он же неадекватный! — подает голос один из его людей.

— Данте, ты же не совсем отбитый, чтобы накручивать себе срок? Одно нападение на сотрудника у тебя уже есть. За меня больше дадут.

— Он сам нарвался. — Выдаю каменное выражение лица и кручу головой вправо-влево, разминая шею до хруста в позвонках. — Если что, я могу встречу накатать, — намекаю на свою разбитую губу.

— Будем считать, что по этой части мы с тобой договорились. Снимай браслеты, — командует своему.

За спиной раздается щелчок, шаги, затем мы остаемся один на один с подполковником Рагозиным.

— Итак, Даниил Валерьевич Тимирязев, — растягивая слова, мент лениво бросает на стол мое личное дело. — Третий раз у нас за последние два месяца.

— Скучаю... — скалюсь разбитыми губами.

— Я так и понял, — хмыкает он. — Поэтому каждый раз повод посетить нас становится все интереснее и интереснее. Хулиганство, драка, теперь вот поджог.

— Ложь чистой воды и фантазии твоих оперов, — улыбаюсь шире.

— Тебя взяли на месте пожара. А твои дружки сбежали.

Довольный такой, аж бесит!

— Кстати, а ты чего с ними не рванул? — интересуется Рагозин.

— А смысл? — пожимаю плечами, лениво сползая по спинке стула в расслабленную позу. И теперь,

приятно скрипнув зубами, бесится подпол. — Я ни в чем не виноват. Докажешь обратное? — с вызовом смотрю ему в глаза.

Мужика аж передергивает всего. Взгляд тяжелеет, челюсть напрягается, и рука, лежащая поверх моей папки, сжимается в кулак.

— Слышь, ты! — взвинчивается он. — Борзота! — лупит кулаком по столу. — Вы влезли в частное домовладение. Это уже статья!

Закатываю глаза. Тоже мне напугал! А то я не знаю, как это решается.

— Если это все, что ты можешь мне предъявить, товарищ подполковник, то я пойду. Меня дома заждались.

— Не так быстро, Тимирязев. Придется тебе у нас еще задержаться. Сейчас придет хозяин дома с адвокатом. Напишет заявление.

— Мне ему ручку подержать? — ухмыляюсь.

— Лейтенант! — рывкает Рагозин. — Забери его в камеру! Пока я ему еще пару узоров на рожу не добавил. Гаденыш! Ничего не боится!

— Боятся, товарищ подполковник, те, кому есть что терять. — Поднимаюсь, пока лейтенант опять не начал меня лапать.

— Свобода? — хмыкает он.

— Я вот здесь, — делаю из пальцев пистолет и прижимаю к своему виску, — всегда свободен.

— Ничего. Посмотрим, как ты заговоришь, когда Калинин придет, — предельно внимательно смотрит на все еще закрытую папку с моим делом.

Да, день пошел через задницу с самого начала! И сидеть мне здесь долго нельзя, у меня вечером бой в «Клетке». Туда еще надо добраться. Ставки собраны, бабки никто клиентам не возвращает. Надо отработать.

Откинувшись затылком в стену, сижу в камере и прикидываю, как выпутываться из дерьма, в которое вляпался. Вытаскивать меня некому. Я давно уже сам по себе. Лет с десяти меня воспитывали улица и тренер. И если во мне осталось что-то человеческое, то это только его заслуга. Но каждый раз, выходя на ринг, я начинаю сомневаться, что оно там осталось...

— На выход! — Раздражающее эхо бьет прямо по мозгам.

Поднимаюсь, выхожу из своей клетки.

— Молись, Данте. Там Калинин приехал, — шипит мне в затылок осмелевший лейтенант.

Прохожу все по тому же коридору. Пара стажеров вместе с уборщицей оттирают разлитую мной краску. Криво ухмыльнувшись, вхожу в кабинет Рагозина. На входе меня тормозит охрана пострадавшего от пожара бизнесмена. Снова лапают. Да чтоб вас!

— Р-р-руки, — рычу, скалясь на мужика в кожаной куртке. — Еще раз тронешь меня — сломаю, — обещаю ему.

Не верит, пытаюсь залезть в карманы свободных штанов. Перехватываю в болевой, выворачиваю, ставлю на колено. Все в кабинете подрываются со своих мест.